

ЗАПИСКИ КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

**АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик**

ТОМ IV

**ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1930

ее можно найти в прекрасном голландском издании, выпускаемом в Лейдене с 1926 г. (Annual Bibliography of Indian Archaeology).

Исторический очерк суммирует работы последних лет, основываясь главным образом на работах Н. Т. Colenbrander, *Koloniale Geschiedenis* (1925—1926) и N. J. Krom, *Hindoe-Jaavansche Geschiedenis* (1926).

Статья о языке и литературе останавливается главным образом на языках и дает общий очерк. Нельзя не пожалеть, что очень интересным памятникам так называемой народной словесности уделено мало внимания, причем видно, что записи ведутся, повидимому, далеко не в соответствии с новейшими методами.

Главы по этнографии и демографии и о праве дают богатый и интересный материал, выявляя большую работу, особенно последних лет.

Значение интересного обзора научных учреждений и высшей школы сильно уменьшается тем, что в большинстве случаев названия даны по-английски, а не в оригинале на голландском, так что за справками все же надо обращаться не к этой главе, а к правительственному справочнику «*Regeerings-Almanak vor Nederlandsch Indie*».

Можно пожелать, чтобы научные конгрессы, организация которых часто вызывает в настоящее время большую критику, почаще давали такие ценные издания как IV Тихоокеанский Конгресс на Яве.

Сергей Ольденбург.

57. Проф. Н. В. Кюнер. Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры, читанные на II курсе Восточного Института, ныне Восточного Факультета Государственного Дальневосточного Университета в 1918—1919 акад. году. (Введение в общую историю народов Центральной и Восточной Азии с древнейших времен до начала сношений их с новыми европейскими народами.) С тремя таблицами рисунков и двумя картами. Стр. 120. 4°. Издание Н. В. Репина. Владивосток. Типография Государственного Дальневосточного Университета. 1921. Цена 2 руб. 50 коп. золотом. (Издано по старой орфографии).

Лекции и книги проф. Н. В. Кюнера являются одним из надежных и почтенных звеньев между чисто практической постановкой изучения дальневосточных языков, с большим усердием введенной при самом основании во Владивостоке Восточного института (1899), и историко-филологическим к ним подходом, необходимым для понимания дальневосточных

культур, условным выражением которых являются соответствующие им языки. Проф. Кюннер в этих своих лекциях сознается (стр. 21), что ему приходилось первое время «маскировать настоящий курс под видом введения в курс 'Новейшей истории стран Восточной Азии'. Теперь же, с преобразованием института в факультет университета, и с переходом самого автора в Ленинград, всякие маски излишни, и деятельности почтенного историка, надеюсь, ничто уже не препятствует развернуться во всей присущей ей по природе и праву шири, что, впрочем, и оправдывается весьма солидным списком быстро идущих друг за другом выпусков его лекций, статей, книг, перечень которых занял бы здесь слишком много места.

Курс лекций, являющийся предметом настоящей рецензии, трактует о китайской культуре. Задача его, само собою, громадная и каждый профессор, а тем более автор книги, будет ее решать по своему, так что подходить к состоявшемуся уже решению ее с индивидуальной точки зрения, свойственной человеку, читающему курс на ту же тему, излишне, и я буду исходить исключительно из материала и его формул, данных самим проф. Кюннером, совершенно отбрасывая соображения о том, как надо было бы это представить по моему мнению. Кроме того, хотя эта рецензия, предназначавшаяся к напечатанию еще в 1922 г., по многим причинам запаздывает, все же, хронологически автор и рецензент более совпадают, чем, если бы рецензия последнего писалась на основании, например, трудов Масперо (*La Chine Antique*), Вильхэльма (*Chinesische Kulturgeschichte*) и особенно Гранэ (*La Civilisation chinoise*), появившихся за последнее время и начинающих собою, как бы, новую эпоху.

Как и весь состав этих лекций, самое определение понятия «китайская культура» дано у проф. Кюннера весьма объективно, здраво и полно: «китайская культура, или совокупность тех культурных элементов, которые создали и определили политический и общественный строй китайского народа, семейную организацию, умственное развитие и духовный кругозор его, а также все наличие материальных ресурсов и технических знаний, обеспечивших с давнего времени житейское благосостояние китайской нации» (стр. 4). Однако, как ни точна эта формула, первое же прикосновение к предмету лекций поставило перед читающим их профессором дилемму: «взять из всей обширной темы один какой-нибудь вопрос и углубиться в его рассмотрение так, чтобы все мельчайшие детали его стали ясны: или же дать общее положение всей темы в схематическом виде, отнеся более детальный материал к отделу библиографических справок». Проф. Кюннер сделал совершенно правильно, взяв вторую исходную часть дилеммы и направив, затем, весь свой курс к «выяснению того исторического про-

цесса, который лежит в основе эволюции китайской материальной и духовной культуры с древнейших времен до момента начала сношений европейских народов с Китаем и проникновения через это в страну нового могущественного культурного фактора» (стр. 81). Но и эта задача потребовала у читавшего курс лекций ежеминутных оговорок и самоограничений, так что «схематичность» курса превратилась, собственно говоря, в беглые заметки о множестве предметов, о которых можно судить по самому перечню их. Дать последний считаю необходимым, ибо, повторяю, содержание разных курсов о китайской культуре может быть весьма и весьма одно на другое непохожим.

После вводной лекции, излагающей связь между прошлым и настоящим для каждой страны, и в частности для Китая, Кореи, Японии, лектор переходит к обзору источников и классификации вещественных памятников, сравнивая их с западно-европейскими и указывая на роль европейцев в их собирании. Далее, он говорит о современном положении дела охраны и собирания этих памятников в самом Китае и переходит к их характеристикам. Эти последние он начинает с Великой Стены и Западного Вала и, по поводу последнего, останавливается на некоторое время на сношениях Китая с Западом. В 6-й лекции проф. Кюнер трактует как об архитектурных памятниках древнего Китая (добуддийского), так и об оставленных в нем буддизмом, интересуясь исключительно содержанием, особенно бытом и иноземными влияниями. Далее речь идет о погребальных сооружениях: курганах, мавзолеях и вещественных памятниках, связанных с культом предков. Только с 8-й лекции начинается речь о медном и железном веке в Китае и, вообще, о начале китайской культуры. Бронзовые памятники трактуются почти исключительно в образе «треножников» и колоколов, как памятниках ритуальных и наиболее показательных. Переходя к памятникам эпиграфическим, лектор сосредоточивает свое внимание на наиболее раннем и наиболее интересном памятнике, так называемых «Каменных барабанах», оценивая их, как исторический материал, а также на несторической стэле и, наконец, на орхонских и туркестанских вещественных памятниках. Затем речь идет о письменности, о ее начале и развитии, и ее памятниках, рукописных и печатных: дается историческая оценка китайской литературы, как классической, так и собственно исторической. На этой теме лектор, как и следовало ожидать, останавливается довольно долго, и только, рассказав о всех главных ее слагаемых, переходит ко второй части курса, занимающейся основным его предметом: рассмотрением влияний китайского ландшафта на создание китайской культуры. Для этого он рассматривает географическое положение территории собственного Китая,

приурочивая благоприятные условия, создавшие для монгольской расы возможность высокой культуры, переходит к расовой характеристике китайцев; критикует теории происхождения их и, наконец, определяет три фактора развития китайского государства: территорию, население и власть. Эти факторы он прослеживает исторически и статистически, давая схему изменений в характере их и в цифрах. Последняя лекция посвящена вопросу политической эволюции Китая, совершившейся нормально от племенного быта к империи: вопрос о республике остается открытым. В конце курса составлен очень подробный указатель.

Таким образом, мы имеем перед собой первый на русском языке курс лекций о китайской культуре, схематичность которого вполне оправдана самим лектором, постоянно ссылающимся на свой более подробный, почти чисто библиографический «Исторический очерк развития основ китайской материальной и духовной культуры, в связи с выяснением роли последней в жизни других народов на Дальнем Востоке» (литогр. изд. 1909 г.). Необходимость такого курса, с расширением преподавания восточных культур за пределы специальных учебных заведений, совершенно ясна, и можно только приветствовать его появление, предвосхитившее макулатуру, которая, при расширенном спросе, обычно появляется прежде достойных книг.

К достоинствам этого курса надо отнести, прежде всего, настойчивую ясность изложений и утверждений, повторные формулы, краткие и яркие примеры — все то, что требуется от хорошего курса. Усвоить себе такой курс учащемуся будет и интересно и совсем не трудно. Кроме того, весь курс освещен неуклонным оптимизмом, верой в близкое торжество науки над темными проблемами китаеведения и в слушателей, которые будут этому торжеству способствовать. Русская научная литература китаеведов к такому тону не привыкла, и его действие на учащегося не трудно угадать.

Лекции эти, изданные в 1921 г., стояли, в общем, в курсе синологии того времени. Кроме того, лектор сам ездил в Китай в 1915 г., и его свидетельство о сильном пробуждении в китайском обществе и правительстве универсально-научного духа, создавшего, например, огромный и великолепный музей древностей, справедливо и ценно, как справедливы, к сожалению, и свидетельства о позорном вандализме грубых властей всякого рода, портящих исторические памятники (Храм Неба, гроты Лунмыня).

При всех этих прекрасных качествах, нельзя не сделать автору целого ряда возражений, как со стороны более общей, так и более специальной. Не может не смутить самый план лекций, последовательность которого

трудно уловить, даже при охотных, на каждой странице встречающихся методологических разъяснениях автора. Сами эти разъяснения отнимают у автора, старающегося сэкономить пространство, и вечно в этом смысле оговаривающегося, очень много этого самого пространства. Боковики, введенные им для отчетливости изложения, очень длинны: при этом, категоричность их далеко не соответствует патронлируемому ими изложению. Так, например, под пышным заголовком «Историческая оценка китайской литературы» читаем буквально следующее:

«Благодаря тому, что в распоряжении европейского исследователя имеется столь богатый выбор китайских словесных памятников, охватывающий столетия и тысячелетия, работа его над таким ценным материалом может быть весьма плодотворной при соблюдении некоторых необходимых условий. При наличии соответствующих каталогов эта работа значительно облегчается: мы уже указывали, что для китайских вещественных памятников такие каталоги имеются и в них подробно указывается, из какого материала сделан тот или другой памятник, в чем его отличные особенности, каковы на нем надписи, если они имеются, делается попутно и оценка данного памятника. Такие же каталоги составлены китайцами и для памятников их богатейшей литературы».

Читатель, по меньшей мере, разочарован подобным неисполнением обещания, которое, вероятнее всего, было просто неудачно сформулировано, но такое явление, к сожалению, в этих Лекциях далеко не исключительно.

Стремление автора к наибольшей ясности порождает неумеренное словообилие, выражающееся в систематических повторениях, резюмэ и расплывчатых обобщениях, берущих много слов и дающих малые выводы (например, на стр. 44).

Многое в этом, принципиально экономном курсе нам казалось бы излишним, как например, ряд цифр, свидетельствующих о росте китайского населения в разные времена, и многое, многое другое, так что и в этом отношении курс порой разочаровывает.

Конечно, эти возражения не умаляют указанных выше достоинств курса, как не умалили их и многие погрешности, естественно вкравшиеся в изложение, касающиеся столь разнообразных и обширных тем.

Так, с точки зрения методологической, ясно, что, например, вопрос о «треножниках» и барабанах должен быть решен при помощи свидетельств текста из первых рук: иначе никакие выводы не будут прочны. Точно также, нельзя, как мне кажется, взять И-цзин, как исключительно этнографический материал (как книгу гаданий), а на его высокую культурную роль смотреть иронически, как на культ абракадабры (стр. 64—65). Эта точка

зрения опасна и ошибочна, ибо уничтожением фактической традиции мы отнюдь не подойдем к пониманию культуры народа.

Неполнота очень многих характеристик отнимает у них самое основное их свойство и превращает их в расплывчатые фразы. Так, на стр. 73, заявление о том, что «с точки зрения истории развития китайской философской мысли и политико-нравственных идеалов, книга Мэн-цзы заслуживает не меньшего внимания со стороны иностранного исследователя, чем остальные классические книги», — это заявление не имеет в предыдущих строках обоснования и никоим образом не относится к «характеристике Мэн-цзы», под многообещающим боковиком которой оно стоит.

Затем, вся традиция книги Чунь-Цю сведена к культуре Цзо-чжуань, ее спутника, хотя бы и калькирующего самое учение Конфуция, причем о Гуляне и Гунъяне, главных столпах основной традиции, сказано лишь в скобках и вскользь. От этого получилась вредная неполнота, ведущая к ошибочным представлениям о классике, сказавшимся, между прочим, и в суждениях самого автора курса.

В речи о редких китайских изданиях (на стр. 59) не упомянуто о выдающемся культурном явлении последних лет: о библиотеках-сериях (цуншу), приближающих наши библиотеки к полноте гораздо прямее, чем те пути, о которых говорит автор. Распространиться об этом явлении было бы очень поучительно для начинающих слушателей, ибо оно свидетельствует о действительно высоком культурном китайском сознании, самобытном и не имеющем общего с европеизмом, и дает самое важное указание будущему научному агенту и корреспонденту.

Наконец, в лекциях, предназначенных для специалистов-китаистов и японистов, следовало бы быть более щедрым на иероглифы, ибо транскрипция их начинающему ничего не дает.

Кроме неполноты, изложение лекций проф. Кюнера страдает многими неточностями. Так, весьма сомнительно, чтобы «треножки» встречались в старое время в каждом доме. Наоборот, именно то обстоятельство, что они встречались лишь в богатых домах, и сделало их редкостью, а приводимая неоднократно автором поговорка: «колокол звучит, пища в треножке» (вернее: «колокол звучит, и едят из треножных котлов») дает литературную фигуру именно богатой трапезы. Думается, что и все объяснение перехода треножников из обиходного состояния простых котлов в отвлеченное состояние носителей эпиграфики покоится на неточном археологическом представлении, из которого выручил бы только текст. Точно также мне представляется слишком расплывчатым и даже странным объяснение перехода колокола и барабана в «эмблемы духов покровителей безопасности

и процветания города». Это неточное представление легко разрушается, опять таки текстом, который, впрочем, вряд ли оправдает их, как узанную эмблему и обожествление.

В речи о китайском материале для исследования культуры Китая указывается на то, что «надписи вещественных памятников кратки и отрывочны», что неточно, ибо есть надписи, в роде Кайчен'ских плит 836 г., покрытых классическим текстом на протяжении многих десятков памятников, не говоря уже о целых больших литературных произведениях, часто покрывающих стелы. Затем, вопрос об исчезновении рукописей из литературного обихода не решается переходом их в «механические копии», ибо давно пора привыкнуть к рассмотрению ксилограммы, как клише, т. е. в своем исходном состоянии — рукописи, и таким образом выйдет, что рукописная традиция в Китае никогда не прерывалась вплоть до настоящего времени, когда эти рукописи, точно воспроизведенные на клише, все еще не вытеснены всепобеждающим набором.

Далее, в речи о классиках, являющейся наиболее уязвимою из всех прочих, лектор к своей выгоде мог бы точнее передать смысл слова цзин, европеизованного в виде «классической книги», особенно в соединении с вэй («апокриф») и присущим первому эпитетом чжэн («прямой»), и тогда было бы ясно, что «основами» (цзин), в отличие от узоров (вэй), названы эти книги, как изложение чжэн — прямого, ортодоксального понимания дао (пути высшего человека). С другой стороны, вряд ли точно сказать, вместе с большинством людей, настроенных в отношении к Китаю экзотически, что «эти книги (классики) служили для большинства китайских образованных классов, обычно также для правящих кругов, образцом, которому безусловно подчинялся весь нравственный и социальный уклад китайской жизни и которым определялась линия житейского поведения китайского народа, как высшим проявлением нравственной и социальной мудрости».

Эта «безусловность» подчинения всего народа заучиваемым наизусть строкам равносильна безусловности обаяния молитвослова и катехизиса, производимого веками на русскую жизнь. Конфуцианское учение есть учение аристократическое, и если бы его обаяние захватило массы, то буддизму в Китае нечего было бы делать, а он, как мы знаем, побеждал, не сражаясь, ибо в народе подлинного конфуцианства не было, не говоря уже о «живой силе», которую лектор приписывает этим «классическим» книгам.

Неточно, по моему, передать Ши-цзин, как «Книгу песен», ибо это относится лишь к его первой части; неточно указать на то, что оды Ши-цзина «скрывают нередко исторические намеки», ибо они часто с полною выраженностью воспевают исторические события; характеристика слога

Чунь-цю, как «стилистически необработанного и бесцветного» — сплошное недоразумение, ибо, как известно, весь смысл этой «Летописи» только в «стиле» (бифа), а не в содержании, которое есть лишь канва для проповедника конфуцианского учения (и самого Конфуция); очень непоучительно для начинающих узнать о том, что классические синтезы конфуцианского учения, Да Сио и Чжун Юн, своими понятиями создают «необходимость для китайца во всех случаях жизни наблюдать внешность, сохранять так называемое лицо, не выявляя внутреннего «я». Подобное обращение с текстами большой и высокой традиции моментально разобщает учащегося с пониманием вещей, особенно при изложении культуры, которая квалифицируется, как высокая.

При рассмотрении памятников исторической литературы неточностей тоже не мало: Сыма Цянь потерпел гонение не за «критику по отношению к династии», а за заступничество в пользу неудачного полководца; его история не сплошная компиляция, как утверждает лектор, а, наоборот, зачастую большое творчество (лечжуань: «монографии» и их заключительные части): нельзя забывать о том, что Сыма общепризнанный родоначальник не только истории, но и изящной литературы, чему было бы трудно поверить, если признать в нем только компилятора, включающего свои ингредиенты текстуально, «ничего не прибавляя от себя и не давая критической оценки чужого текста»; термины Сыма, в роде ба шу и лечжуань, переданы неточно, как «восемь искусств» и «монографии» и т. д. Говорить о «добровольном признании династии со стороны населения», не вставая на точку зрения китайской канонической идеологии, вряд ли стоит: когда это было на самом-то деле? Также не стоит повторять ходячий упрек китайцам в том, что они располагают свою историю по династиям. Легко доказать, что они правы: династия Чжоу — это совершенно новый период в китайской культуре, династия Цинь, Хань — тоже; монгольская Юань, китайская Мин, маньчжурская Цин и пр. точно также начинают собою целые эры, так что случайные, или даже хронические неудобства с другими династиями извинительны во имя многих других больших удобств, и даже для того же синолога. Наконец, вряд ли точно утверждать, что иностранные исследователи, располагающие в настоящее время связным историческим материалом, охватывающим все протяжение китайского исторического прошлого, «обязаны именно династийным историям, в лице которых из столетия в столетие ведется нить непрерывного повествования»: именно не династийным историям они обязаны, ибо таковые не переведены и не исследованы, а «Сводной Летописи» Сыма Гуана и Чжу Си (Цзы чжи тун цзянь), о которой лектор говорит на стр. 80.

Много неточностей допущено, на мой взгляд, и в оценке китайской науки. Так, утверждать, что «надпись Юя самими китайцами была принята, как подлинная», значит впасть в ошибку старых синологов, не дискриминировавших китайскую науку и смешивавших в одно лицо шаблонных пекинских «сянь-шенев» (профессиональных учителей языка, в том числе и для европейцев) с корифеями китайской археологии, каковые существовали и существуют, как крупная величина, с которою всякий европеец-исследователь обязан считаться. Точно также утверждение лектора на стр. 57 о том, что «строго и научно корреktированных изданий в Китае раньше не было», может неопытного учащегося ввести в дискредитирующее китайскую науку заблуждение, ибо даже такие филологи-историки, как Хирт, Шаванн и Пэллио, всецело стоят на китайском критицизме: и действительно, чем больше и лучше мы знакомимся с китайской филологией и археологией, тем глубже ее ценим и тем смиреннее становимся в общении с ними ряды, — предварительно, однако, у них поучась.

Из сказанного мною ясно мое отношение к таким общим утверждениям, как, например, слова на стр. 50, квалифицирующие китайскую критику, как «формальную», с пояснением, что «в их глазах является вполне достаточным, чтобы эти тексты не противоречили традиционному историческому пониманию той эпохи и тех событий и явлений, к которым относятся надписи и содержащие их памятники». Таких ультра-богословских критиков знает не один Китай (*mutatis mutandis*), но считаться с ними необязательно, и здесь настоящий синолог всегда разберется, с кем имеет дело. Таких сянь-шенев крупные синологи (Пэллио, Масперо) не слушают, и поступают совершенно правильно: незачем, значит, и ставить их во главу угла, как одиозное универсальное явление.

Кроме таких неточностей, есть абсолютно неверные суждения. Так, на стр. 68 весь абзац о новом и старом тексте Шу-цзина надо понять как раз наоборот: «старый» текст — это именно вновь найденный, но написанный старыми знаками, а «новый» — это тот, что записан за стариком Фу Шэном прежде «старого».

Кроме того, суждение о разговорном языке, как о реальном препятствии к записи текста, очень странно: ведь, кроме фонической, спорной стороны, китайский иероглифический текст всегда имел менее спорную графическую сторону, так что «диктовка» была графическая, как это легко сделать и сейчас — при посредстве кого угодно — путем описания сомнительных слов по их формантам.

Слова лектора о Конфуции, «воздерживавшемся, как это свойственно большинству его соотечественников, от резких суждений и определенных

решений по тому или иному вопросу», я не знаю, как и понять, ибо именно резкость и определенность суждений составляет основу проповеди Конфуция, приуроченной к Чунь-цю и встречающейся в Лунь-юе и других классиках. Ведь, если бы лектор был прав, и если бы «уклончивые ответы Конфуция позволяли толковать их так, как это желательно каждому, оставляя самый широкий простор в этом отношении», то очень странными могли бы показаться слова Мын-цзы: «В древности Юй смирил бушующие воды потопа, и вся страна пришла в великий мир. Чжоу-граф присоединил к династии и ее культуре варваров, собак И и Ди, прогнал диких зверей — и весь народ наслаждался покоем. Кун-цзы закончил Чунь-цю, и мятежные министры-разбойники были в испуге». Конечно, с точки зрения проф. Кюнера, это может быть слишком специфически китайским суждением, недостойным европейского исследователя, но это — абсолютная традиция, и не принимать ее — значит не воспринимать конфуцианства во всех его основах и постулатах.

Вообще, весь отдел о классиках, и в особенности ответственные главы с боковиками, в роде «Характеристика Конфуция, Мэн-цзы и др.» я желал бы увидеть в руководстве для студентов более обоснованными и удаленными от традиционного скепсиса, идущего от В. П. Васильева и его школы.

Что до историков, то и тут не мало промахов, легко исправимых по любому каталогу и справочнику. Так, утверждение лектора, что культурно-исторические обзоры типа па (надо: ба) шу (у Сыма Цяня) не привились дальше следующего за Сыма историка Бань Гу, неверно, ибо эти ч ж и есть и в истории «Младших» Ханей, и в историях Цзинь, Сун, Нань Ци и др.

Есть и мелочи, которые следовало бы исправить. Так, фамилия историка Сыма Цяню была не Сы, а Сыма; английский синолог был Лэг, а не Легге, и т. д.

Приветствуя еще раз труд почтенного историка Востока и считая его совершенно своевременным и необходимым, я хотел бы, чтобы мои возражения способствовали дальнейшему усовершенствованию следующих выпусков «Лекций», которые теперь, с появлением вышеуказанных превосходных синтезов китайской культуры, могут в них найти себе подкрепление и утверждение.

В. Алексеев.

58. M. Rostovtzeff. Professeur à l'Université de Madison (Wisconsin). L'Art Gréco-Sarmate et l'art Chinois de l'époque des Han. — Extrait de l'Aréthuse, Avril 1924, fasc. 3. — Стр. 14 + 4 табл.